

Roman Szubin

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

Polska

<https://orcid.org/0000-0002-7603-5336>

**ФЕНОМЕН ЗНАНИЯ ЗАДНИМ ЧИСЛОМ
В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО КОНСЕРВАТИВНОГО
И ПРОГРЕССИВНОГО МЫШЛЕНИЯ
(АЛЕКСАНДР ТУРГЕНЕВ, ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ)**

THE PHENOMENON OF THE WISDOM OF HINDSIGHT
IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CONSERVATIVE
AND PROGRESSIVE TYPES OF THINKING
(ALEXANDER TURGENEV, DMITRY GLUKHOVSKY)

In this article, Charles Louis de Montesquieu's parable of the savage peoples was used to examine the aspect of totalitarianism based on myths of the past that can no longer evolve. The properties of progressive thinking and the crisis of conservative thinking exemplified in the literary works of Alexander Turgenev (1784–1845) and Dmitry Glukhovsky (born 1979) are examined through the lens of the cultural situation at the beginning of the XIX and XXI centuries. Both types of thinking involve the phenomenon of the wisdom of hindsight (*знание задним числом*) which activates myth-making thinking and turns the described reality into a dystopian one. The retrospective method uses the well-thought-out ideas and concepts of Bernard Stiegler and Vardan Hayrapetyan, namely the Promethean and Epimethean orders, the temporalizations of *épimétheia* and *prométheia*, as well as the progressive, conservative and myth-making types of thinking.

Keywords: Alexander Turgenev, Dmitry Glukhovsky, Russian conservatism, Russian progressivism, the phenomenon of the wisdom of hindsight

Roman Szubin *Феномен знания задним числом...*

ZJAWISKO WIEDZY RETROSPEKTYWNEJ W KONTEKŚCIE ROSYJSKIEGO MYŚLENIA KONSERWATYWNEGO I POSTĘPOWEGO (ALEKSANDER TURGIENIEW, DMITRIJ GŁUCHOWSKI)

W artykule przypowieść Charles'a Louisa de Montesquieu o dzikusach posłużyła do podjęcia próby zbadania jednego z aspektów totalitaryzmu, tego, który opiera się na mitach o przeszłości niemających szans na dalszy rozwój. W odniesieniu do sytuacji kulturalnej w początkach wieków XIX i XXI, odpowiednio na przykładzie dzieł literackich Aleksandra Turgieniewa (1784–1845) i Dmitrija Głuchowskiego (1979–), badane są właściwości myślenia postępowego i kryzys myślenia konserwatywnego. W obu typach myślenia występuje zjawisko wiedzy retrospektywnej (ros. *знание задним числом*, ang. *the wisdom of hindsight, hindsight bias, creeping determinism*), które aktualizuje myślenie mitotwórcze i zamienia opisaną rzeczywistość w dystopijną. W metodzie retrospektywnej wykorzystuje się przemyślane idee i koncepcje Bernaranda Stieglera i Vardana Hayrapetyana: porządek prometejski i epimetejski, czasowość *épinétheia* i *prométheia*, myślenie postępowe, konserwatywne, mitotwórcze.

Słowa kluczowe: Aleksander Turgieniew, Dmitrij Głuchowski, rosyjski konserwatyzm, rosyjski progresywizm, zjawisko wiedzy retrospektywnej

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЦИТАТЫ (ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ)

Известная притча Шарля Луи де Монтецье (1689–1755) о деспотическом правлении (*О духе законов*, 1748) в форме загадки описывает обычай дикарей: «Когда дикари Луизианы хотят достать плод с дерева, они срубают дерево под корень и срывают плод. Таково деспотическое правление»¹.

В дневниковой записи от 30/18 сентября 1826 года Александр Иванович Тургенев (1784–1845), обращая внимание на мысль Франсуа-Огюста Минье о правлении Людовика XIV в *Истории французской революции* (1824):

Но в результате всего этого, когда перемерли даровитые люди, прекратились победы, промышленность перешла в другие страны, деньги исчезли, стало вполне ясно, что деспотизм своими успехами исчерпывает, свои собственные средства и вперед уничтожает свое собственное будущее [выделено нами – Р.Ш.]²,

¹ Шарль Луи Монтецье, *Избранные произведения* (Москва: Государственное издание политической литературы, 1955), 211.

² Франсуа-Огюст Минье, *История французской революции с 1789 по 1814 г.*, перев. Ипполит Дебу, Константин Дебу (Санкт-Петербург: Типография «Слово», 1906), 9.

восполняет смысловой пробел в притче Монтецкие между дикарями и деспотами:

O Ludvige XIV. Le despotisme épuise ses moyens par ses succès, et il dévore d'avance son propre avenir [деспотизм истощает свои средства своими успехами и пожирает собственное будущее – Р.Ш.]

[...] Монт~~е~~скье вместо определения деспотизма говорил только, что когда дикие хотят иметь плод – они рубят все дерево, т.е. достигают до цели, плода, истощением средств и поглощая самое будущее (épuisent les moyens par le succès et dévorent d'avance leur propre avenir). Так гений освещает историю или из мрака ее выводит свет теоретической мудрости...³

Именно в такой форме был процитирован Тургенев французским интернет-изданием «FigaroVox» от 26.04.2007 года в статье *Comment Vladimir Poutine orchestre le nouveau despotisme russe* [Как Владимир Путин организует новый деспотизм в России – Р.Ш.]:

Это правда, что слабость деспотизма проистекает из того факта, что у него не остается иного проекта, кроме самого себя. Как говорил Тургенев, «деспотизм истощает свои средства своими успехами и заранее пожирает собственное будущее»⁴.

Загадка Монтецкие и разгадка Тургенева описывают эффект знания задним числом: дикии Луизианы поступают бездумно, не могут осознать то, что они делают, не могут предвидеть последствий своего действия. Можно сказать, что они сначала делают и только потом думают. В значительной степени данный эффект отражает один из аспектов сегодняшнего деспотизма в России: опора на мифы прошлого и полное отсутствие перспективы будущего развития.

³ Александр Тургенев, *Хроника русского. Дневники (1825–1826)* (Ленинград: Наука, 1964), 431.

⁴ Eugénie Bastié, “Comment Vladimir Poutine orchestre le nouveau despotisme russe,” *FigaroVox*, April 26, 2007, https://www.lefigaro.fr/debats/2007/04/26/01005-20070426ARTFIG90034-comment_vladimir_poutine_orchestre_le_nouveau_despotisme_russe.php (30.07.2025). Здесь и далее, если не указано иначе, перевод цитат наш – Р.Ш. Оригинал: «Il est vrai que la faiblesse du despotisme vient de ce qu'il finit par ne plus avoir d'autre projet que lui-même. Comme disait Tourgueniev, „le despotisme épuise ses moyens par ses succès et dévore d'avance son propre avenir”».

ФЕНОМЕН ЗНАНИЯ ЗАДНИМ ЧИСЛОМ В ЯЗЫКЕ, МИФАХ И НАУКЕ

Формула «сначала делает, а потом думает» является предельно простым выражением феномена знания задним числом. В фольклоре оно находит свое отражение в ряде пословиц и поговорок: (лат.) *vaticinium ex eventu* (пророчество задним числом), (фр.) *Prophète après coup* (пророк после события), *l'esprit d'escalier* (лестничное остроумие), (польск.) *Polak małdry po szkodzie*, (рус.) *Русский человек задним умом крепок* и т.д. На бытовом уровне синдром знания задним числом воспринимается как когнитивное искажение, следствие «ползучего детерминизма» (Барух Фишхофф); отсюда и возникают ложные эффекты уверенности в своей правоте после факта; эффекты предсказания, данные задним числом; эффекты искажения памяти⁵.

В качестве иллюстрации феномена знания задним числом можно привести миф о титанах Прометео и Эпиметее. Имена братьев-близнецов представляют собой этимологические фигуры и толкуются соответственно как (*Προμήθεύς*) ‘Передний ум’ и (*Επιμήθεύς*) ‘Задний ум’. В эпизоде мифа, о котором подробно рассказывает платоновский Протагор, Эпиметей, раздавая возможности и способности живым существам, забыл и не позаботился о человеке – ошибку брата исправил Прометей, похитив огонь и ремесла у Гефеста⁶. В этом случае и луизианские дикари, и Эпиметей представляют собой акторов или субъектов заднего ума, которые поздно, после дела, понимают, к чему приводят последствия их дела. Однако в отличие от дикарей в параболе Монтескье, ошибка Эпиметея была компенсирована Прометеем, обладающим даром предвидения.

С середины XX века намечается интерес к фигуре Эпиметея. Ряд антропологов и философов (Пол Радин, Жан-Пьер Вернан) советуют рассматривать проблему заднего и переднего ума не в отрыве друг от друга, а в своей нерасторжимости,

⁵ Neal J. Roese, Kathleen D. Vohs, “Hindsight Bias,” *Perspectives on Psychological Science*, t. 7, № 5 (2012), 411–426.

⁶ Платон, “Протагор,” в: *Собрание сочинений в 4 т.*: т. 4, перев. Владимир Соловьев (Москва: Мысль, 1994), 430–431.

соответственно две фигуры мифа предстают как два лица одной персоны, «comme les deux faces d'un personnage unique»⁷.

В философских исследованиях дальше других пошел французский философ Бернард Стиглер, обрушившийся с критикой на прозорливость Прометея и темпоральность *prométheia*, связанную с европейским типом мышления. Он взял под защиту темпоральность *épitétheia*, понимая под последней единственную возможность осознать «ошибку происхождения», историческую ошибку, возникающую «по умолчанию»:

Горизонтом этой беззаботной заботы является фактичность, которая всегда уже существует, всегда предшествовала смертному, который, что бы ни делал, появляется слишком поздно, наследуя все недостатки своего предка, начиная с изначальной ошибки происхождения – ошибки по умолчанию⁸.

Для понимания критики Бернардом Стиглером прометеевой темпоральности и оправдания эпиметеевой забывчивости важна политическая подоплека, а именно: ректорская речь Мартина Хайдеггера 1933 года, с которой дискутирует французский философ. Немецкий философ, вступая в должность ректора Фрайбургского университета, связал образ Прометея и европейскую темпоральность с государственной идеологией национал-социализма, оправдывая ее среди прочего «волей народа», ср.: «Воля к существу немецкого университета есть воля к науке как воля к историческому духовному заданию немецкого народа как народа, который знает сам себя в своем государстве»⁹. Для Стиглера же понятие народа связано с эпи-

⁷ Jean-Pierre Vernant, *Mythe et pensée chez les Grecs* (Paris: Maspero, 1982), 189.

⁸ Bernard Stiegler, *Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus*, перев. Richard Beardsworth and George Collins (Stanford: Stanford University Press, 1998), 199. Оригинал: «The horizon of this careless care is the facticity that is always already there, having always already preceded the mortal who, whatever he or she does, arrives too late, inheriting all the faults of his or her ancestry, starting with the originary de-fault of origin».

⁹ Мартин Хайдеггер, “Самоутверждение немецкого университета,” перев. Владимир Бибихин, в: *Историко-философский ежегодник*. 1994 (Москва: Наука, 1995), 298.

метеей, сознанием, которое обречено осознавать себя слишком поздно для того, чтобы быть целеполаганием. В концепции Стиглера Эпиметей, в отличие от дикарей из параболы Монtesкье, способен осмысливать свою ошибку (хотя тот ошибается еще раз, в эпизоде с амфорой Пандоры), но только в осознании своей ошибки задним числом и формируется наследие прошлого: «Эпиметея означает наследие. Наследие всегда эпиметеино»¹⁰.

Схожий вектор можно наблюдать в концепции «эпиметеева возвращения» к своим истокам в герменевтических исследованиях Вардана Айрапетяна¹¹, а также в образе «Эпиметеева человека», о рождении которого заявил американский проповедник и философ Иван Иллич¹². Не будет преувеличением связать феномен знания задним числом с явлением «исторической инверсии» (Михаил Бахтин), основанной на переносе представлений, сформированных в настоящем, в прошлое и будущее¹³. Такую подмену, когда последние по времени, но важные по значимости представления (смыслы) переносятся в прошлое, Вардан Айрапетян именует *мифотворческим мышлением*, для которого характерна подмена субъекта и предиката по правилу «главное есть старшее»¹⁴.

В настоящей статье исследование прецедентов мифотворческого мышления проводится в рамках определенных Айрапетяном понятий *консервативного и прогрессивно-революционного мышлений*. В консервативном мышлении, для которого характерно правило «старшее есть главное»¹⁵, какой-то фрагмент прошлого задним числом, с перспективы времени,

¹⁰ Stiegler, *Technics and Time*, 207. Оригинал: «Epimêtheia means heritage. Heritage is always épimathèsis».

¹¹ Айрапетян, *Толкуя слово*, 220–221.

¹² Ivan Illich, “The Dawn of Epimethean Man,” в: *In the Name of Life: Essays in Honor of Erich Fromm*, ред. Bernard Landis, Edward S. Tauber (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971), 161–173, <https://www.scribd.com/doc/12437/The-Dawn-of-Epimethean-Man-by-Ivan-Illich> (30.07.2025).

¹³ Михаил Бахтин, “Формы времени и хронотопа в романе,” в: *Собрание сочинений*, т. 3 (Москва: Языки славянских культур, 2012), 399–404.

¹⁴ Айрапетян, *Толкуя слово*, 220.

¹⁵ Айрапетян, *Толкуя слово*, 220.

предстает идеалом, героическим образцом, на основе которого пересматривается последующая история. В прогрессивном или революционно-прогрессивном мышлении точкой отсчета становится настоящее и новизна («младшее есть главное»), тогда как прошлое отступает, теряет актуальность, а будущее становится ареной для многочисленных проспективных проекций (утопия, дистопия) – идеал переносится в будущее в качестве цели. Эти же герменевты в значительной степени совпадают с политическими характеристиками консерватизма, сформированного как реакция на Французскую революцию, с одной стороны, и революционных преобразований в самом широком смысле этого слова (вплоть до индустриальных и технологических) – с другой.

«ПРОГРЕССИСТ» АЛЕКСАНДР ТУРГЕНЕВ И ЭПИМЕТЕЕВА РОССИЯ

Александр Иванович Тургенев (1784–1845) – один из ярчайших прогрессивных людей своего времени, известный как друг и корреспондент Николая Карамзина, Ивана Дмитриева, Петра Вяземского, Александра Пушкина, как брат декабриста Николая Тургенева, заочно приговоренного к смертной казни. Тургенев оставил свое политическое завещание в письмах (среди них 4 тома переписки с Петром Вяземским в *Остафьевском архиве Вяземских*) и путевой прозе (*Хроника русского*). Он не был и не стал писателем, но стоял у истоков зарождения поэтического общества «Арзамас», известного своим либерализмом.

В свете консервативного и прогрессивного мышления (а также темпоральностей эпиметея и прометея) может быть рассмотрена вся эпоха первой трети XIX века, отмеченная бурным движением разнородных идей, литературных течений и кружков, становлением литературного языка. В силу интенсивности борьбы прогрессистов («Арзамас») и архаистов (общество «Беседа любителей русского слова») этот небольшой отрезок культурной истории России, более известный как «золотой

век русской поэзии», вслед за Ольгой Видовой, можно назвать Русским Ренессансом¹⁶.

Немаловажным фактором в развитии как прогрессивных, так и консервативных установок стала война с Наполеоновской Францией 1812–1814 годов. Прогрессисты воспринимали победу над Наполеоном как прорыв в трансъевропейский союз стран-победительниц, а консерваторы – как оправдание империалистической политики и завоеваний, образец которой виделся в империи Екатерины II.

Новые перспективы, открывавшиеся перед победителями в войне с Наполеоном, отбрасывали вполне закономерный отсвет: настоящее представлялось новой точкой отсчета, в перспективе которой мерещилось будущее (а для консерваторов – героическое прошлое). «Беспрестанные лишения и несчаствия милых близких не погрузят нас в совершенное отчаяние, *и мы преднасладимся будущим и, по моему уверению, весьма близким воскресением нашего отечества*»¹⁷, – писал Тургенев Вяземскому 27 октября 1812 года.

Это письмо было написано в один из самых тяжелых моментов в истории России, когда русская армия, потеряв значительную часть своей мощи и сдав бывшую столицу, отсиживалась в Тарутине, а наполеоновская Великая армия только покинула сожженную дотла Москву в поисках зимних квартир. До перелома в кампании 1812 года было еще далеко, а «разгром» Великой армии на Березине трудно было себе вообразить.

Однако Тургенев был преисполнен необыкновенного воодушевления; в том же письме он предсказал, что война «рано или поздно» закончится в Париже: «Ее (Москвы) развалины будут для нас залогом нашего искупления, нравственного и политического;

¹⁶ «Именно в Александровскую эпоху в России наиболее рельефно проявляются ренессансные, личностные черты русской культуры». Ольга Видова, Олег Карпухин, “Русский ренессанс,” *Социально-гуманитарные знания*, № 4 (2008), 202.

¹⁷ *Остафьевский архив князей Вяземских*, т. 1, ред. Владимир И. Саитов, издание графа С.Д. Шереметева (Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1899), 6–7, https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003955867?page=1&rotate=0&theme=white (30.07.2025).

а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно осветит нам путь к Парижу»¹⁸. Сам Вяземский называет это письмо примечательным и пророческим. В 1814 году в письме к Тургеневу он снова вспоминает об этих строках в связи с поэтом Николаем Остолоповым (1783–1833), который «присвоил» себе пророчество и процитировал мысль Тургенева в стихах от своего имени: «Но что еще предвижу? / Нам зарево Москвы осветит путь к Парижу»¹⁹.

Но мысли Тургенева представляют интерес не с точки зрения пророчества. Важно то, что Тургенев живет и мыслит в категориях новой для себя темпоральности, в которой будущее играет решающую роль и полностью отсекает от себя прошлое. Это особенно ощутимо на фоне военной литературы того времени, воспоминаний офицеров и участников кампании. Они воображали себе победу над Наполеоном, как продолжение боевого пути, начатого в XVIII веке, не считаясь с тем, что русская военная слава серьезно споткнулась о стратегические и тактические таланты Наполеона, а первая фаза Отечественной войны 1812 года поставила под угрозу существование Российской империи. Тургенев полностью реализует темпоральность *promētheia*, он является актором прогрессивного мышления (Айрапетян): ориентирован на будущее, живет предчувствием будущего.

На фоне прогрессистских идей, темпоральность *ērīmētheia* воспринимается как регресс и анахронизм. За несколько месяцев до Декабрьского восстания, в письме к Вяземскому от 17/5 сентября 1825 года, он описывает разоренный пейзаж русской провинции, где центрами автодеструкции являются печально известные военные поселения Александровской, а затем и Николаевской эпохи:

Но в России – кто проезжал в <оенные> п<оселения> и смотрел на них с спокойным духом, <не> помышляя о минутных жертвах настоящего и о ужасах будущего!.. Кто смотрел на развалины екатерининских дворцов, на сии при самом строении развалившиеся памятники необдуманных замыслов в пользу городской промышленности, – и взора горького *вперед* не обращал! Кто проезжал по Ярославским трактам и не думал о том, куда

¹⁸ Остафьевский архивъ, 6.

¹⁹ Остафьевский архивъ, 20; 390.

ведут эти дороги.... Губернатора к почестям, народ к разорению! – И сии деревья, изнеможенно рукою посаженные, и негодованием опять вырванные! – или иссохшие преждевременно как те земледельцы, кои, оставив поля свои необработанными, за сто верст пришли садить их!..²⁰

Словно иллюстрируя мысль Монтескье о деспотическом правлении, Тургенев моделирует дистопическую реальность, в которой зримо изымается будущее: некогда прекрасные замки и строения разваливаются, разрушаются во имя новой «городской промышленности», земледельцев сгоняют сажать деревья, а затем деревья выкорчевываются. Конечно, отсутствие прогресса, изъятие логики развития приводит к само-разрушению и разрушению прошлого – величие прошлого века («екатерининские дворцы») объявляется «необдуманными замыслами». На взгляд прогрессиста Тургенева, именно так выглядит страна, лишенная правильного целеполагания, а следовательно, и достойного будущего. В такой стране царствует бог заднего ума – Эпиметей, а следовательно, в ней не может быть ни исторической преемственности, ни правильной перспективы. Прошлое, как и в условиях другой дистопии – платоновской, в *Котловане* и *Чевенгуре*, отменяется законодательно и силовым образом.

При этом обратим внимание на искаженную цитату из стихотворения Василия Жуковского *Сельское кладбище*. У Жуковского описывается смертный страх человека, находящегося на краю могилы, который (не) оборачивается *назад*, на прожитую жизнь. «И взора томного назад не обращал». Тургенев любил цитировать этот стих, скорее непроизвольно заменяя эпитет *томного* на *горького*. Но в процитированном выше отрывке он допускает и сознательную замену: *вперед* вместо *назад*, – оставаясь и здесь верным своим убеждениям: впереди, в мифах будущего, а не прошлого, он черпает силы.

Символом Николаевской эпохи стало строительство Царско-сельской императорской железной дороги в 1836 году. Казалось

²⁰ Александр Тургенев, *Хроника русского. Дневники (1825–1826)* (Ленинград: Наука, 1964), 299. В дальнейшем цитируем по тому же изданию, в скобках указываем номер страницы.

бы, речь идет о явном техническом прогрессе, и первый железный путь был вписан во славу государственного могущества. Но в условиях свернутого развития науки и техники данный символ Прометея становится для Тургенева знаком торжествующего анахронизма и актуализирует апорию Зенона об Ахиллесе и черепахе. Рассуждая в первом номере пушкинского «Современника» (*Хронике русского*) о необходимости изучения достижений науки и техники для лучшего понимания истории (Людовика XIV и Петра I), Тургенев заключает: «Иначе взгляд на мир нравственный, на мир интеллектуальный и даже политический будет не верен» (с. 69). Но это предложение имеет неопубликованное по цензурным соображениям продолжение:

[...] и не узнаешь, куда повезут нас на железных дорогах? назад или вперед? и как повезут, быстро или на долгих? Не узнаешь даже, откуда, с какой станции, выедешь? и долго ли простишь на будущей и с какими попутчиками, и не помешают ли быстроте бега запоздалые (с. 514).

У Тургенева нет видимых иллюзий относительно нового, реакционного периода, предвестием реакции может служить анахроническое обращение самого символа прогресса: *бега запоздалые*. В языке Тургеневе *запоздалый* имеет целый спектр значений: и поздний, и опоздавший, и медлительный, и анахроничный. В мире Прометея побеждает Ахиллес, в мире Эпиметея – по логике обратного развития – черепаха (*бега запоздалые*).

ДМИТРИЙ ГЛУХОВСКИЙ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ КОНСЕРВАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Тема критики или демонтажа консервативного мышления, пожалуй, впервые зазвучала в последних романах Дмитрия Глуховского²¹ *Пост* (2019) и *Пост. Спасти и сохранить* (2021),

²¹ Российский писатель, преследуемый в России. С 2021 года Минюст РФ придал ему статус «иностранныго агента», а 7 августа 2023 года Басманский районный суд города Москвы заочно приговорил Дмитрия Глуховского к 8 годам лишения свободы за посты о преступлениях российских военных в городах Буча и Мариуполь.

которые можно назвать предпандемическими и предвоенными, и включилась в широкий контекст мировоззренческого осмысливания военной агрессии России в Украине.

Вышедший в свет 20 апреля 2021 года на стриминговом сервисе Storytel в формате аудиокниги, которую читает сам автор, роман *Пост. Спасти и сохранить* вскоре после начала войны 24 февраля 2022 года был бесплатно предоставлен автором на своем телеграм-канале (сразу после начала войны созданном) в электронном формате (pdf), представляющим собой макет первого издания АСТ (2021), куда вошла и первая часть *Поста*. Сюжетно второй *Пост* представляет собой продолжение первой части, но стилистикой и концентрацией метатекстового месседжа существенно отличается от нее и может рассматриваться как отдельное произведение.

На фоне осмысливания текущих событий, когда писались эти романы: обнуление президентских сроков²², пандемия ковида и режим самоизоляции, возвращение в Россию и арест Алексея Навального, приготовления к войне против Украины, а затем и после начала полномасштабной агрессии – небольшая по объему книга с постапокалиптическим сюжетом приобретает форму дискуссии о важнейших «русских» символах, в которой главным нарративом становится нарратив *русского прошлого* – русские исторические мифологемы, паттерны, модели, архетипы, взятые в рамках консервативного мышления. «Без прошлого нет будущего» – ключевая фраза *Поста*, она же является ключевой фразой эпиметеевой темпоральности, но уже не в форме дикарей из притчи Монtesкье, а в форме неоимперских проектов настоящего времени, связанных с возрождением «СССР-2»²³.

²² Референдум, прозванный в народе референдумом «на пеньках», в ходе которого были приняты конституционные поправки, включая самую противоречивую: предусматривающую «обнуление» числа президентских сроков и позволяющую Путину участвовать в «выборах Путина» еще два раза.

²³ Алексей Иванов, «Мы строим не прекрасную Россию будущего, а СССР-2». Интервью Сергея Сдобнова, *Новая газета*, № 3, Январь 15, 2021, <https://novayagazeta.ru/articles/2021/01/13/88684-my-stroim-ne-prekrasnyu-rossiyu-buduschego-a-sssr-2> (30.07.2025).

В этом плане консервативная модель, критически осмысливаемая в романе, резко противопоставлена прогрессивной модели, выраженной либеральным проектом Алексея Навального «Прекрасная Россия будущего»²⁴, которого Глуховский публично поддержал в 2021 году.

Обращение к истории русских политических и общественных деятелей действительно носит двоякий характер: с одной стороны, история «учит» или призвана учить ошибкам прошлого – в прогрессивном мышлении, а с другой стороны, свойственной консервативному мышлению, история «обогащает» знание о настоящем, наделяет настоящее поколение «наследием», «памятью», «культурным багажом». В последнем случае как раз более очевиден феномен знания задним числом, идеализирующий прошлое и мифотворчески его переосмысливающий.

В этом плане можно провести параллель между обращением к прошлому Государя императора в *Посте* и историческими экскурсами Владимира Путина. Первому вкладывается в уста инвектива о «реставрации»:

«Реставрация» что значит? Восстановление. История только кажется руинами. Она не руины, она фундамент, без которого мы нашу крепость не восстановим. Этот фундамент надо очистить от грязи, от сора, который сверху нанесло, укрепить – вспомнить все, затвердить. Он тысячу летостоял и еще простоят столько же, и только на него можно великую русскую цивилизацию заново поставить. Понимаешь, сотник?²⁵

Второй автор, находясь в режиме глубокой самоизоляции, пытается навязать свое видение украинского вопроса и для этого обращается к истории: «Чтобы лучше понять настоящее и заглянуть в будущее, мы должны обратиться к истории»²⁶.

²⁴ «Википедия: Прекрасная Россия будущего», https://ru.wikipedia.org/wiki/Прекрасная_Россия_будущего (30.07.2025).

²⁵ Дмитрий Глуховский, *Пост* (Москва: АСТ, 2021), 252. В дальнейшем цитируем по тому же изданию, в скобках указываем номер страницы.

²⁶ Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев». *Президент России*, Июль 21, 2021, <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (30.07.2025).

В итоге этот пересказ истории от Путина послужил идеологическим обоснованием развязанной через полгода войны.

Итак, в романе Глуховского изображена горячая фаза постапокалиптической истории или постистории: после некоторой катастрофы была Смута, затем гражданская война, после гражданской войны оживают призраки проигравших (*одержимые*), которые вновь начинают атаковать остатки некогда самой большой страны. Гораздо более интересно, что второй *Пост* не столько создает архетипические символы, сколько пытается их разоблачить. При этом Глуховский выбирает и последовательно деконструирует исторические и псевдоисторические нарративы и мифологемы: имперское мышление, религиозный статус императора – помазанника Божия, миф об особом пути России, символ возрожденного (читай: ряженого) казачества, миф о словоцентричности (божественной природы слова), русском искусстве (балет), модель юродства и категорию спасения.

Миф об имперском сознании россиян подвергается мощной деструкции. Империей в *Посте* называется не то, что было, а то, чем стала разрушенная и порядком развалившаяся страна: Московия, она же Московская империя. С запада она самоизолировалась от цивилизационного Запада, на юге (на Кавказе) вяло текут освободительно-захватнические войны, которые ведут на протяжении веков «ряженые» казаки. А на востоке ее загораживает зеленый туман, поднимающийся над ядовитой рекой Волга; восточный пост локализован в районе Ярославля («край земли»). Если заречный мир – *terra incognita*, то, что касается умственного состояния героев, их интеллект напоминает в большей степени *tabula rasa* – полую и пустую объемность, заполняемую эмблемами новой, возрожденной империи, нежели травмированное историческими ошибками сознание, ср.:

А Лисицын в курсе: на площади сооружают укрепрайон. По восстановленным железным дорогам пойдут бронепоезда и теплушкы с казаками: с Казанского вокзала – на Казань, с Ленинградского – на Питер, с Ярославского – на тот край земли (с. 259).

В деконструктивно осмысленной русской историографии герои-пассионарии уподобляются опять-таки бездумным дикарям, рубящим дерево в желании сорвать плод. В новой географии воспроизводится механика старой истории, весь смысл которой сводится к тому, чтобы *потерять и завоевать* – мотивам, передаваемым из поколения в поколение:

- Мы должны обратно собрать все, что было потеряно.
- Кому должны?
- Отцам нашим!
- [...]
- Да просто чтоб завоевывать. У России другого смысла нету, кроме как больше делаться. Все жертвы, все лишения – всегда ради этого и были. Чтоб только расти дальше. Зачем мы терпим? Чтоб отцам за нас стыдно не было, вона сколько они нахапали. А отцы куда ж столько хапали? Почему жизнь в голоде, в очередях? Чтоб дедам за них стыдно не было. А дедам зачем столько земли было? Зачем деды страх терпели, головы на фронтах клали, в лагерях гибли? Чтоб прадедам не было стыдно за них – при тех-то ого-го сколько земли взяли! Другого оправдания ж нет. Расти надо, и все тут, и пропади все пропадом (с. 262).

Символы, подвергаемые деконструкции, вполне прозрачны: возрождение, как оно понимается героями, это воспроизведение старой символики в новом, обесцененном для них измерении. Особое внимание Глуховский придает игре с символом слова. Призраки-соотечественники, осуществляющие наше-ствие из-за реки, называются *обращенными и одержимыми*. Они изображаются буквально одержимыми, безумными, наделенными необыкновенной силой, способной разорвать человека, а их пляски напоминают радения хлыстов, «бесовская» молитва – нечто вроде глюссолалии пятидесятников – приводит в расстройство разум. Из экспозиции (рассказываемой предыстории) становится понятно, что одержимые сами являются жертвами слова – некоего секретного нейролингвистического оружия, примененного императором Михаилом в гражданской войне. А теперь они посредством слова, той же самой табуированной молитвы, начинают заражать соотечественников по эту сторону Волги. Таким образом, одержимость действует в обе стороны: она бумерангом возвращается на победителей,

она – символ старого мира, но и разрушитель нового, уже возрожденного мира:

– Та откуда ж это все взялось?

– Москва выпустила. Москва против нас это слово применила, – кашляет дед. – Как сейчас помню, было. Через систему оповещения гражданской обороны. Со всех громкоговорителей. А потом сразу электричество пропало. Как-то они взломали электростанции из Москвы. И все, мрак начался. Быстро разошлось. Города сразу все лопнули. Дети родителей кушали, брат брата, и так все. Екаба в три дня не стало, говорят. *Обращенные* вмиг всех смели, потом танцы свои танцевали, потом друг друга стали харчить. Такие дела. Хорошо хоть электричество отключили.

– Чего хорошего? – спрашивает Лисицын тупо.

– Да вот хотя бы сюда слово не перекинулось. Почему у тебя радио до сих пор в Москве в твоей нету нигде и телевизора? Интернета почему нет? Поэтому вот. Чтобы они оттуда нас обратно словом не заразили (с. 257).

Словом заражают, словом убивают, словом обращают в одержимых, которые пожирают друг друга – такая последовательность демонстрирует перевернутый порядок, отраженный в мифотворческом сознании, где слову приписывается божественное происхождение, а литература поднята до статуса философии, идеологии, воспитателя и учителя жизни.

Перевернутая модель деконструктивного переосмысления распространяется также на структурно главный мотив *Поста* – спасение, один из важнейших в древней и новой историографии России. Героиня первого *Поста* Мишель, дочь репрессированных родителей, становится символом спасения во второй части. Однако спасение парадоксально основывается на насилии: единственный способ не поддаться одержимости – потерять слух; потерявшая по непонятным причинам слух Мишель самолично протыкает барабанные перепонки детям, которых взяла под опеку, и советует этот метод другим. «[...] А лекарства два: правда и глухота [...]», – размышляет простоватый, но исполнительный и трагический герой сотник Лисицын, при этом сам он благоразумно отказывается от «лекарства» и желания стать калекой:

[...] А лекарства два: правда и глухота, и если б не нужда Государю правду донести, Лисицын бы себе сам уши давно уже выколол, но тогда его застанут, подстерегут, окружат и загонят, а он, контуженный, беспомощный, даже и не почувствует их приближения (с. 412).

Сама Мишель запоздало (совсем по пословице: *Русский человек задним умом крепок*), но понимает абсурдность и бесчеловечность этого дикарского способа спасения – лишать человека слуха, а заодно связи с другими людьми и разума: «А потом думает: а для нее это точно – спасение? Вот, она продырявила ей уши, окей, и теперь эта Вера остается одна в уме на своей станции. Что жестче по жестокости? Сникает» (с. 375).

Решение лишать человека слуха с целью спасения с логической точки зрения, конечно, спорное, но подводит к демонстрации главного эффекта спасения: *чуда*. Сюжетная завязка и нагнетание драматизма разрешаются буквально чудесным образом, и даже логика деконструктивного демонтажа консервативных ценностей над этим не властна: Глуховский несколько поспешно завершает роман, ставит точку. Но точка в конце напоминает настежь открытые окна весенней и политической оттепели, как в кинофильме *Весна на Заречной улице* (1956), давшей начало оттепельному искусству 1960-х годов. Финал романа *Пост. Спаситься и сохранить обременен серией приемов, напоминающих deus ex machina и happy end.*

Во-первых, к Мишель, непонятно как потерявшей слух, так же непонятно слух возвращается. В то же время в народе ее называют «блаженной»: «Они пишут ей веточкой на снегу: „Блаженная Мишель“» (с. 439). Это сближает ее с юродивыми и лишает, таким образом, какого-либо суда над ней. Во-вторых, в finale чудеса множатся: эпидемия сама собой проходит, зараженные, т.е. одержимые, перекусали и перебили друг друга, а спасшихся, не подвергшихся влиянию *слова и молитвы*, оказывается намного больше, чем раньше – в романе практически нет многолюдных сцен, кроме последней: «И Мишель понимает, что ей удалось спасти многих, потому что народищу тут тьма, довольно, чтобы опоясать все бульвары и замкнуть круг» (с. 440).

И действительно, желание автора «замкнуть круг» и закольцевать сюжет, сводит на нет усилия по деконструкции русских символов. Финал начинает выглядеть анахронически: антиутопия, предошущение очередной катастрофы, постапокалиптический пейзаж, которые преобладали в первой и центральных частях, заканчивается утопией, соединением в одно тело жертвы и тайной полиции, майскими гуляниями, спасением мира, при котором спасенными оказываются как раз те, на ком лежит ответственность за катастрофу, распад и гражданскую войну. В этом не без основания можно увидеть поворот автора к эпиметеевой обратной логике и влиянию знания задним числом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, используемые категории консервативное/прогрессивное мышление и эпиметеева/прометеева темпоральность обнаруживают свою двойственность. Эта двойственность происходит от самой природы исследуемого материала: *знания, данного в ретроспективе*. Оба типа мышления предполагают, что обращение к прошлому происходит *задним числом*, но различаются по двум факторам.

Негативный фактор связан с тем, что прошлое предстает в качестве мифа, утерянной полноты, которую следует восстановить. Это восстановление, как показывает роман Глуховского, представляет собой ряд исторических паттернов и мифологем, каждый раз воспроизводящихся в новой исторической ситуации. Неспособность порвать с прошлым или желание стать на сторону своих героев проявляется в двусмысленном финале второго романа *Пост*. Не исключено, что это связано с намерением автора вновь вернуться к данному сюжету в третьей книге.

Положительный фактор ретроспективного знания заключается в сознании его ошибочности. Согласно концепции Стиглера, прошлое изначально содержит в себе ошибку, которую следует осмыслить и осознать, чтобы усвоить урок истории. В некотором смысле ее выразил Александр Тургенев, предложивший путь прогрессивного развития, советовавший изучать

науку и технику, дабы избежать «бегов запоздалых», т.е. провала в мифы прошлого.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айрапетян, Вардан. *Толкуя слово. Опыт герменевтики по-русски*. Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011.
- Бахтин, Михаил. “Формы времени и хронотопа в романе.” В: *Собрание сочинений Михаила Бахтина*. Т. 3. 399–404. Москва: Языки славянских культур, 2012.
- Видова, Ольга, Карпухин, Олег. “Русский ренессанс.” *Социально-гуманистарные знания*, № 4 (2008). 182–202.
- “Википедия: Прекрасная Россия будущего.” https://ru.wikipedia.org/wiki/Прекрасная_Россия_будущего (30.07.2025).
- Глуховский, Дмитрий. *Пост*. Москва: АСТ, 2021.
- Иванов, Алексей. “«Мы строим не прекрасную Россию будущего, а СССР–2». Интервью Сергея Сдобнова.” *Новая газета*, № 3, Январь 15, 2021. <https://novayagazeta.ru/articles/2021/01/13/88684-my-stroim-ne-prekrasnyu-rossiyu-buduschego-a-sssr-2> (30.07.2025).
- Хайдеггер, Мартин. “Самоутверждение немецкого университета.” В: *Историко-философский ежегодник*. 1994. Перев. Владимир Бибихин. 298–304. Москва: Наука, 1995.
- Минье, Франсуа-Огюст. *История французской революции с 1789 по 1814 г.* Перев. Ипполит Дебу, Константин Дебу. Санкт-Петербург: Типография «Слово», 1906.
- Монтескье, Шарль Луи. *Избранные произведения*. Ред. Марк Баскин. Москва: Государственное издание политической литературы, 1955.
- Остафьевский архивъ князей Вяземскихъ. Т. 1. Ред. Владимир И. Сайтов. Издание графа С.Д. Шереметева. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003955867?page=1&rotate=0&theme=white (30.07.2025).
- Платон. “Протагор.” В: *Собрание сочинений в 4 т.*: т. 4. Перев. Владимир Соловьев. 418–476. Москва: Мысль, 1994.
- Статья Владимира Путина. «Об историческом единстве русских и украинцев.» *Президент России*, Июль 21, 2021. <http://kremlin.ru/events/president/news/6618> (30.07.2025).
- Тургенев, Александр. *Хроника русского. Дневники (1825–1826)*. Ленинград: Наука, 1964.
- Bastié, Eugénie. “Comment Vladimir Poutine orchestre le nouveau despotisme russe.” *FigaroVox*, April 26, 2007. https://www.lefigaro.fr/debats/2007/04/26/01005-20070426ARTFIG90034-comment_vladimir_poutine_

- orchestre_le_nouveau_despotisme_russe.php (30.07.2025).
- Illich, Ivan. "The Dawn of Epimethean Man." B: *In the Name of Life: Essays in Honor of Erich Fromm*. Ped. Bernard Landis, Edward S. Tauber. 161–173. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971. <https://www.scribd.com/doc/12437/The-Dawn-of-Epimethean-Man-by-Ivan-Illich> (30.07.2025).
- Roese, J. Neal, Vohs, Kathleen D. "Hindsight Bias." *Perspectives on Psychological Science*, t. 7, № 5 (2012). 411–426.
- Stiegler, Bernard. *Technics and Time, 1: The Fault of Prometheus*. Перев. Richard Beardsworth, George Collins. Stanford: Stanford University Press, 1998.
- Vernant, Jean-Pierre. *Mythe et pensée chez les Grecs*. Paris: Maspero, 1982.

Roman Szubin – doktor nauk humanistycznych, pracownik Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskich Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Zainteresowania i badania naukowe: hermeneutyka literatury rosyjskiej różnych okresów; opracowanie metody hermeneutycznej w literaturze opartej na pracach filologów Michaiła Bachtina i Wardana Hayrapetyana; badania nad literaturą na styku gatunków i dyscyplin; literatura dokumentu, pamiętników, dzienników, listów, publicystyka. Najważniejsze publikacje: *Tłumacz contra twórcy. Kreatywność w hermeneutyce Wardana Hayrapetiana (Kreatywność w nauce, sztuce i kulturze. Prace Humanistycznego Centrum Badań „Dyskurs Wielokulturowy”*, red. H. Chałacińska, B. Waligórska-Olejniczak, Poznań 2014); *Мемафизика мирового человека в прозе Михаила Шишкина. Опыт герменевтического анализа (Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej: Michaił Szyszkin*, red. A. Skotnicka, J. Świeży, Kraków 2017); *Репромотия как форма побега и конформизма („Оправдание Острова” и „Чагин” Евгения Водолазкина)* („Przegląd Rusycystyczny” 2024, nr 1 (185)).

Kontakt: szubin@amu.edu.pl